РЕМОТИВАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СВЕТЕ ФАКТОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема ремотивации имен собственных по данным немецкого языка. Ремотивация понимается как сочетание семантической реинтерпретации и формального переосмысления, не только в сфере апеллятивных знаков, но и онимических знаков. Показано, что процессы ремотивации противопоставляются процессам демотивации (десемантизации и десементации). Установлено, что слияние и отсечение компонентов имен собственных могут быть реализованы на разных языковых уровнях и иметь разную сущность: синтаксическую, лексическую, словоизменительную.

Ключевые слова: немецкий язык, имя собственное, топоним, мотивация, ремотивация, агглютинация, деглутинация, вторичная семантическая мотивация.

REMOTIVATION OF THE PROPER NAMES IN THE LIGHT OF THE FACTS OF THE GERMAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the problem of motivation of proper names according to the data of the German language. Remotivation, conceived as a combination of semantic re-interpretation and formal re-segmentation, does not only affect appellative signs, but also proper names. The author shows, that remotivation processes are contrasted with demotivation processes (de-semantization and de-segmentation). The agglutination and deglutination of the proper names components can be realized on the different levels of language. They can also have the various entity: syntactic level, semantic level and inflexional level.

Key words: German language, proper name, toponym, motivation, remotivation, agglutination, deglutination.

Противопоставление мотивации, демотивации и ремотивации как основы для изучения словообразовательной системы

языка активно разрабатывается в ряде работ последних лет в рамках лингвотекстологического подхода к языку [3-5]. Это противопоставление иллюстрируется обычно данными довольно ограниченного числа языков, причем, как правило, на материале апеллятивной лексики, имеющем солидную традицию описания.

Данные ономастической лексики до сих пор не были вовлечены с достаточной полнотой в орбиту такого рода исследований [13;15;16]. Вместе с тем особый статус имен собственных в языковой системе [1;8;10] может, как нам кажется, служить косвенным критерием объективности противопоставления процессов ремотивации у апеллятивов и имен собственных, а при более детальном исследовании – и некоторому уточнению значения имен собственных.

Мотивация, демотивация и ремотивация – терминологические именованья трех типов отношений между фонетической и морфологической структурой слова.

Мотивация – это более или менее непосредственное соотнесение содержания с соответствующим выражением, имеющим открытую семантическую структуру, поддающимся разложению на лексические морфемы.

Демотивация – это утрата словом его мотивированности, переход языкового знака из разряда мотивированных в разряд немотивированных лексических единиц.

Ремотивация – это замена в сознании говорящих первичной мотивации, легшей в основу образования слова, представлением о мотивированной связи слова со словом, не связанным с рассматриваемым словообразовательными отношениями, или со словом другого этимологического гнезда.

Противопоставление трех типов отношений между фонетической и морфологической структурой слова по соотнесенности с мотивацией, демотивацией или ремотивацией коррелирует с различием в способах их морфологического оформления. Непроизводные слова в языке являются в принципе первичными, первообразными словами, основа которых совпадает с корнем. Мотивированность таких слов выражается имплицитно, т.е. их системно-ассоциативными отношениями с другими единицами языка. Если в слове возможно выделить какие-либо аффиксаль-

ные или соединительные элементы, то мотивированность выражается эксплицитно, или открыто.

В данной работе использование понятия ремотивации по отношению к именам собственным вызвано необходимостью отразить те специфические особенности этого процесса, когда онимы обретают мотивированность в случае ее утраты на основе установления ими мотивационных связей. Наибольший же интерес, как нам кажется, представляет то, что это может привести к переоценке наших взглядов относительно тех явлений семантики имени собственного, которые почти не привлекали к себе внимания и казались маргинальными, но которые станут более понятными в свете новых данных.

Безусловно, изучение морфологической «прозрачности» имен собственных, оживления их внутренней формы и актуализации мотивационных отношений сопряжено с определенными трудностями, так как онимы, в отличие от апеллятивов, не являются носителями как такового значения и служат исключительно целям референции, идентификации и индивидуально обозначению предмета [16, с. 250]. Столь же проблематично говорить и о процессе демотивации у класса *nomina propria*, так как в этом случае приходится признавать факт наличия у онимов первичного, доономастического значения, которое со временем во многих случаях исчезает. В то же время при создании имени часто его внутренняя структура мотивирована определенными признаками конкретного объекта, что приводит к необходимости использовать всевозможные комбинации апеллятивных знаков друг с другом или апеллятивных знаков с ономастическими знаками: *Alten-kirchen*, *Langen-bach*, *Gott-fried (Ludwigs-stadt, Rudert-ing)*. С этой точки зрения ремотивация имен собственных представляет собой многократно повторяющийся акт имятворчества из апеллятивных единиц. Например, современное немецкое официальное название города *Hut-thurm* состоит из лексических единиц *Hut* ‘охрана, защита’ и *Turm* ‘башня’. Можно считать, что его первичное значение – ‘сторожевая башня’. Однако это значение топоним приобрел в результате народной этимологии. В действительности же топоним образован из апеллятивного словосочетания (*bî den*) *huotern* > (*bei den*) *Hüttern* – ‘у пастухов’. Этот пример, в частности, показывает, что в результа-

те ремотивации происходит восстановление морфологической «прозрачности» имени. В немецком языке существуют и другие виды ремотивации имен собственных и их составных элементов. Так, в старом нижнеавстрийском ойкониме *Zwieselburg* ('крепость у развилки дорог'), *Castellum Zuisila*, 1056 г. – *ad Zwisili* [12, с.55] начальный звук /z/ стал восприниматься носителями немецкого языка как апокопированный предлог *z'*, не являющийся онимической морфемой, и вследствие этого был со временем утрачен. Современное же название города – *Wieselburg*. Его морфологическая структура делится на существительные *das Wiesel* 'зоол. ласка' и *die Burg* 1. 'крепость' 2. 'хатка бобра'. Уместно привести ряд других наблюдений, касающихся внутренних связей в структуре немецких топонимов. Слияние предлога или артикля с основой топонима, например, *ze Wetzdorf* > *Zewetzensdorf* затемняет его дотопонимическое значение. Оба процесса затрагивают на морфологическом уровне возникновение и исчезновение клитик. Ясно, что касательно связанных морфем речь идет о словоизменении имени собственного. Так происходит с патронимическими именами, когда флексия имени отца в генитиве присоединяется к основе имени (*Fridrich's* → *Friedrichs*) или уже примкнувшая к имени флексия *-s* родительного принадлежности вторично отделяется от основы имени и снова отбрасывается (*Berti Vogts' X* → *Berti Vogt-s X* → *das X des Berti Vogt*) [16, с.251].

Анализ примеров Р. Харниша показывает, что принципиальный исходный постулат о немотивированности и, тем самым, об асемантической и аморфности имен собственных явно носит относительный характер. Мы можем, видимо, это констатировать также и в отношении коннотативного, ассоциативного, другим словом, прагматического «значения» имен собственных. Эти значения, несомненно, контекстуально зависимы. В работе К. Хильгеманна, посвященной исследованию структуры значения имени собственного, предпринят анализ идентифицирующих, общеязыковых-рациональных и индивидуально-эмоциональных признаков значения имен собственных, в результате чего делается вывод о наличии у онимов ступенчатой семантической нагрузки [17, с.385]. В настоящее время уже не вызывает сомнения то, что имя собственное обладает «всеми

планами и видами семантики, присущими другим словам языка» [6, с.85]. В этой связи ученый говорит о концептном значении имени собственного, которое формируется в процессе употребления имен в разных коммуникативных практиках, в ходе которых формируется особенное (чувственно-ценностное) отношение к денотату имени, проецируемое на него и аккумулируемое им. Вопрос, поднятый Н.Д. Голевым, заслуживает с этой точки зрения дальнейшего обсуждения.

Но здесь возникает и противоположный вопрос. Какие признаки, включенные в семантическую структуру имени, составляют тот необходимый и достаточный минимум, который с большей или меньшей степенью уверенности позволяет говорить о концепте имени собственного? Мы ни в коей мере не отрицаем концептного значения (ср. понимание концепта имени собственного в работах А.С. Щербак, О.Л. Рублевой, И.В. Крюковой [7; 9; 11]), однако считаем это значение более отдаленным от интенционального значения слова. Мы уже излагали наше представление об ономастическом концепте в виде структуры семантических отношений между категориальным и индивидуальным значением онима как определенных структур знания [2, с.13].

Таким образом, если имена собственные вполне обладают значением и носящими значение составными элементами: конкретным при их возникновении и мнимым, предполагаемым при восстановлении их первичной формы (народная этимология, переразложение аффиксов при ложном анализе), прагматическим при приращении к имени различных коннотаций, тогда в аспекте ремотивации могли бы быть типологизированы все эти виды значений. В таком случае первостепенной задачей является описание типизации процессов, происходящих при изменениях в семантической структуре имен собственных на фонетическом, морфологическом и словообразовательном уровнях. Как мы уже убедились, действуют диаметрально противоположные друг другу процессы: агглютинация и афerezис. За последним в лингвистической литературе закреплён также термин «дегглютинация», который будет использоваться в дальнейшем изложении.

При агглютинации механически присоединяется окончание предшествующего безударного вспомогательного слова

(предлог, артикль) к последующей топонимической основе, образуя тем самым новую топонимическую основу (к примеру, [zu de]m / [zu]m / [i]m *Erlach* → *Mörlach*). Предлог *ze* (ниж.-нем. *te*) был приставлен впереди в топониме *Zeulenroda* (Тюрингия) < 1500 г. *Ulenrode*; *Zwerckendorf* (Штайермарк, Австрия) < *ze Werckendorf*; *Zuffenhausen* < 1204 г. *Offenhusen*, уже в 1233 г. *Zuffenhusen*; *Zurzach* (Швейцария) < *ze Wurzach* [12, с.55]. Формальное склеивание аффиксов с основой при агглютинации ведет в результате изменения формы топонима к его семантической демотивации. Например, название курорта *Bad Driburg* (в земле Северный Рейн-Вестфалия) фактически образовано не от числительного «dri» > ‘drei’, а в результате контракции словосочетания **to der Iburg* [14, с.138], аналогично топоним *Marsberg* возник из словосочетания **to dem Eresberge*. Курорт в Баварии *Bad Endorf* впервые упоминается в 924 году как *Zennidorf*. В.-А. фон Райтценштайн полагает, что в данном случае имеет место агглютинация др.-в.-нем. предлога *ze* ‘zu’ к личному имени *Anno* или *Enno* [18, с.27]. Ср.: *Nadelberg* (в Базеле) < *ze’n Adelberg*, *Sank’t Alban* > *Talpe* (в Базеле); ойконим *Meckatz* (около Линдау) < *ze’m Eckartz*. С формальным перемещением границ морфем в составе топонима превращается прежде единая топооснова в последовательность двух морфем, что может привести к семантической ремотивации, переосмыслению разъединенных формальных элементов: *Melmekk* → ‘m *Elmegg*.

При деглутинации происходит прямо противоположенное: утрата начального звука топонима (*Melmekk* → [zu de]m / [zu]m / [a]m *Elmegg*). Аналогичное явление наблюдается в топонимах *Erlach* (на озере Билерзе, Швейцария) < *Zerlach* < *Caereliacim*; *Etwilen* (Тургау, Швейцария) < 761 г. *Zeizinwilare*; *Attenkirchen* (Фрайзинг) < 830 г. *Zartinchiricha* [12, с.55]. Упоминаемый в 1616 году микротопоним *Mattenberg* сегодня употребляется в форме словосочетания *auf dem Attenberg*. Оба процесса, агглютинация и деглутинация, происходящие у имен собственных – результат ошибочно «исправленных» форм на основании неправильного их этимологизирования. Эти формы, несомненно, нужно рассматривать в диахроническом аспекте.

Рассмотрим кратко морфологическую модификацию вторых компонентов в сложных немецких топонимах. Посколь-

ку здесь затрагиваются не элементы клитик, как в приведенных выше примерах, то целесообразно говорить в таких случаях не об агглютинации и дегглютинации, а, точнее, об аддитивности и афезе, т. е. добавлении и отсечении части слова. В этой связи хотелось бы также обратить внимание на любопытное обстоятельство: несмотря на различие в терминологическом обозначении, агглютинация / дегглютинация и слияние / отсечение, если исходить из принципа осложнения или упрощения основ, структурно и процессуально схожи между собой. Например, с л и я - н и е : *Ludwigs-stadt* → *Ludscht* (округ Кронах, Верхняя Франкония); о т с е ч е н и е : *Hut-thurm* ← (*zu den*) *huotern* [16, с.254]. Характерно для этих примеров то, что ослабленные в результате переразложения формы интерпретируются как составные компоненты, которые в действительности являются ложными. Хорошо известны случаи ослабления в немецком языке вторых компонентов сложных топонимов. Таковы, например, исходы топонимов на *-s(e)*, *-sen* от *-hausen* (*Lütmarsen* < 882 г. *Lutmerhusa* – ‘дом Лютмера’; см. многочисленные примеры у А. Баха [12, с.42-57]. К ним могут относиться и те *-se*-формы, которые появились не от композит на *-hausen*, а от композит ... *s-au*. Например, с л и я н и е : *Friedel-hausen* → *Friedelse*, о т с е ч е н и е : *Godel-hausen* ← *Godelse* (← *Godels-auwe*). Аналогичные процессы протекают и в структуре личных имен. Например, антропонимы *Gott-walt* / *Bert-walt* ослабляются до форм *Gottolt* / *Bertolt*, суффиксоид которых *-olt* может превратиться затем в лексически более сильный второй компонент *-hold*: *Bert-hold* – приобретая дополнительную пиетическую коннотацию – *Gott-hold* (под «Божьим оком»). Говоря это, мы пытаемся вскрыть первопричину явления, впоследствии закрепленного языковой практикой, вопреки логике развития мотивационных отношений между компонентами имен собственных. Таким образом, утрата этимологической прозрачности составляющих компонентов имени собственного, а тем самым и потеря немецкими топонимами и личными именами семантической и словообразовательной мотивированности обусловлены действием фонетических и фonomорфологических процессов – ассимиляции, диссимиляции, редукции гласных, апокопа, синкопа, опрощения.

В целом необходимо отметить, что как слияние, так и отсечение компонентов имен собственных могут быть реализованы на разных языковых уровнях и иметь разную природу:

а) синтаксическую (утрата или появление служебных слов, например: *te Angermünde* → *Tangermünde* / *d'Ohmekapell* ← *Thomekapell*);

б) лексическую (утрата или возникновение в сложных топонимах второго компонента, например: *Bach-heim* → *Bachem* / *Ingoltz-heim* ← *Ingoltzen*);

в) словоизменительную (отсечение или добавление флексии, например: *Friedrich-s* → *Friedrichs* 'патронимический генитив' / *Vogt-s* ← *Vogt* 'синтаксический генитив').

Среди актуальных вопросов исследования ремотивации имен собственных следует также назвать проблему вторичной семантической мотивации, которая долгое время разрабатывается известным немецким славистом К. Хенгстом на материале славянских заимствованных онимов в немецком языке. Учитывая фактор наличия специфики языковых контактов в прошлом на территории Восточной Германии, результаты анализа заимствованных топонимов на лексико-семантическом уровне говорят о том, что при вхождении славянских онимов в систему немецкого языка возникают а) семантически нейтральный онимы и б) семантически маркированные языковые формы. Семантически нейтральные онимы не обладают семантической мотивированностью компонентов на уровне апеллятивной лексики (ср. *Folbern*, *Jerisau*, *Kanin*, *Körzin*). Напротив, семантически маркированные онимы в словарном составе языка суперстрата приобретают так называемую вторичную семантическую мотивированность (ср. *Beidersee*, *Bodenbach*, *Fahrbinde*, *Kuhblank*). Исследование этой проблемы проливает свет на определенные «темные места» топонимики, заключающиеся в том, что объяснение значений таких онимов у разных групп лиц обнаруживает значительные расхождения. Это особенно видно в тех случаях, когда можно сравнить диалектные варианты топонимов.

Литература

1. Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. – Уфа: БГАУ, 2001. – 239 с.
2. Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1 (423) С. 13-21.
3. Блинова О.И. К историографии типов мотивационных словарей // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 2 (2). – С. 39-65.
4. Гатауллин Р.Г. Мотивация – демотивация – ремотивация // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 121-126.
5. Гатауллин Р.Г. Роль текста в словообразовательно процессе // Доклады Башкирского университета. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С 378-382.
6. Голев Н.Д. О формах концептуализации имен собственных и способах ее измерения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф, Екатеринбург, 8–10 сентября 2012. Ч.1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 85-87.
7. Крюкова И.В. Концептуализация топонима в русском языковом сознании // Грани познания. – 2010. – № 5 (10). – С. 24-27.
8. Мурясов Р.З. Имена собственные в системе языка: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 128 с.
9. Рублева О.Л. К типологии концептов: топонимические концепты // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2017. – Т. 16. – № 9. – С. 76-84.
10. Уразметова А.В. Топонимическая система США: Первичная и вторичная номинация. – Москва: ООО «Флинта», 2017. – 188 с.
11. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – № 10 (78). – С. 169-175.
12. Bach A. Deutsche Namenkunde. Band II, 1: Die deutschen Ortsnamen. – Heidelberg: Carl Winter, 1953. – 451 S.
13. Beck M. Semantische Remotivierung als Produkt laienhafter Reflexion über Sprache: Begründungen von Wortwahl als Form sprach-

licher Verstärkung / Martina Mečarová. – Hamburg: Buske, 2015. – 285 S.

14. Deutsches Ortsnamenbuch / hrsg. von Manfred Niemeyer. – Berlin; Boston, Mass.: De Gruyter, 2012. – 756 S.

15. Fetzer Th. Aspekte toponymischer Volksetymologie: das Beispiel des Kantons Bern (deutschsprachiger Teil) / This Michael Fetzer. – Tübingen: Francke, 2011. – 334 S.

16. Harnisch R. Remotivierung bei Eigennamen. Kontingenz – Typologie – Theorie // Namenkundliche Informationen. – 2017. – № 109/110. – S. 250-268.

17. Hilgemann K. Die Semantik der Eigennamen. Untersuchungen zur Struktur der Eigennamenbedeutung anhand von norwegischen Beispielen (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 237).– Göppingen: Kümmerle, 1978. – 166 S.

18. Reitzenstein W.-A. Frhr. v. Lexikon bayerischer Ortsnamen: Herkunft und Bedeutung. Oberbayern, Niederbayern, Oberpfalz. – München: Beck, 2006. – 350 S.

© А.Н. Беляев, 2021